

Случилось несчастье.

В разгар обеденного пере-
рыва к нашей знакомой, холодному
рабочнику месткома, подошел некий
коммивояжер и вручил сорок билетов на
спектакли Театра имени Пушкина.

— Распространите, — коротко сказал он
и удалился, пошмыгав.

С этого все и началось. Сослуживцы по-
чему-то на билеты не набрасывались. Они
легкомысленно просили достать на «Жи-
зель» с Улановой, на «Иркутскую исто-
рию» и «Золотого теленка».

Людское бесердечие было ужасно. Член
культкомиссии рыдала в три ручья.

Пришлось объявить актрисенную мобили-
зацию всего наличного состава родствен-
ников и близких друзей. В общем, билеты
были распределены, что называется, по
знакомству. В театр отравились даже не
годные к строевой службе. Юный член
месткома почесал лишь моральный ущерб.

Под ярко освещенным козырьком Театра
имени Пушкина стояла толпа. Идали она
напоминала вариант известной картины
Маяковского «Крах банка». Только вместо
порванных ценных бумаг люди держали
в руках протраченные билеты.

Храм радости и красоты встретил нас
шашурными лицами гардеробщиков: бипо-
млей никто не брал. Все справедливо рас-
считывали устроиться не далее десятого
ряда. В сумраке амфитеатра застряли одни
простоволы и влюбленные.

И вот, как выражались рецензенты про-
шлого века, занавес повился. Давали
«Трехминутный разговор» сочинения
В. Левидовой.

Дал — так зовут главную героиню —
не пошла в институт. Провалилась на эк-
заменах. Изогревая и полжакая в пределах
одной картины, она поступает секретаршей
заместителя управляющего трестом и ус-
пешно работает. Признание начальником возбу-
ждает совпадение с признанием пользы

ТЕАТРАЛЬНЫЙ
ФЕЛЕТОН

заочного образования. Этими признаниями
пьеса и кончается. Кроме того, вниматель-
ный зритель обнаружит в спектакле:
а) познавательность, особенно ценную
для поступающих в вуз: почти целая кар-
тина посвящена раскрытию некоторых
важнейших методов использования шпар-
галок. Наложено со знанием дела и в ув-
лекательной форме;

б) стремление расширить моральные го-
ризонты: секретарша может любить своего
начальника. Если он холост, разумеет-
ся;

в) острое и самоубыточное решение пробле-
мы «отцов и детей»: «Взрослым детям
лучше жить отдельно от родителей»;

г) юмор (поскольку пьеса названа ко-
медией). Функцию «весь вечер у ковра»
выполняет доработница Дюся, существо
некультурное («тема нет, а только сыр
и колбаса»), но симпатизирующее ин-
теллигенции («водки открывай больше:
люди пришлишь шибко образованные»);

«Купленные билеты обратно не принима-
ются и не обмениваются» — этот опти-
мистический лозунг знаком каждому, кто
зачем-нибудь подходил к театральной
кассе.

Второй вечер назывался «Доброй ночи,
Патриция!».

Анархической разбросанности «Трехми-
нутного разговора» театр предпочел теперь
первозданную простоту строгих геометри-
ческих построений.

Поначалу был вычерчен ветхозаветный
треугольник: Патриция (жена), генерал
(любовник) и министр иностранных дел
(муж). В самый ответственный момент тре-
угольник этот распался в квадрат: из Па-
триции спланился появился вор Альберто.
Никаких примитивов! Его не хватают, не
вызут, не зовут полицию. Его делают ди-
пломатом.

Жулику надели женяные крылья, и
он соблазняет Патрицию идти по честной

Спи спокойно, Патриция!

прямой. Он обещает даже бросить «специ-
альность». А когда, непонятно почему, все
рухнет, Альберто возвращается к нехоро-
шим привычкам зачеркивать разницу между
своим и чужим. Несоостоявшаяся пря-
мая замкнулась в круг.

Все остальное — в той же плоскости.
Без всякого там третьего измерения. Ис-
ключение составляет лишь настоящая жи-
вая собака, которая к удовлетворению пуб-
лики очень натурально и без подозритель-
ных остановок проскакивает по сцене.

«Купленные билеты обратно не принима-
ются и не обмениваются». В третий ве-
чер обещали...

Но может быть, довольно? К чему по-
вторяться!

— Как повторяться? — спросит чита-
тель. — Что значит повторяться? Что обще-
то между «Разговором» и «Патрицией»?

Немало общего.
Эти новые спектакли чаще других встре-
чаются на афише театра. Они, так сказать,
его козырные карты. Их посещают. Не
слишком, но посещают.

На остальных так пусто, так одиноко, что
хочется ахать. И живут они жизнью скоро-
течной и неверной. Когда недавно критики
вдруг начали запальчиво «поднимать» «До-
роги жизни», лгисто величая его новыми
спектаклем, зрители с недоумением погля-
дывали на афишу — нет такой постановки, да
и все тут! А самые догадливые быстро вы-
яснили, что она приказала долго жить еще
в прошлом году.

Но не здесь главное. Главное в том, что
на «Трехминутный разговор», на «Доброй
ночи, Патриция!» не могут, не имеют пра-
ва быть основой репертуара. Это чисто про-
ходные вещи. На сезон.

Все содержание пьесы В. Левидовой лег-

ко укладывается в лежиг, отпущенный в те-
лефонах-автоматах: «Разговор слыше трех
минут не разрешается». Но, как всякий раз-
говор ни о чем, он
продолжается очень
долго. Целых три ак-
та. И чтобы запо-
нить их, нужно от-
мстить.

Пьеса родилась в сте-
нах Ленинградского театра комедии. При-
нимая ее к постановке, ленинградцы рас-
считывали на изобретательную фантазию
Н. Акимова и исполнительские возможно-
сти Л. Люльки. И расчеты в какой-то мере
оправдались.

Театр имени Пушкина явно переоценил
свои возможности. М. Ивашкевич в роли
Дюся играет старательно, моменты воле-
ного искоренения. Но она не в состоянии сде-
лать то, что сделала Л. Люлька: как бы
подняться над убогим текстом, утвердить
актерское «я» сутью и правдой образа.
Тем более в театре не оказалось постановщи-
цы, равной Н. Акимовой, — режиссера
В. Васильева и А. Ушакова пораждает своей
примитивностью.

Ну, а «Доброй ночи, Патриция!»? Что
побуждало театр обратиться к этой реме-
ленной переводной пьесе? Неужели буда-
вно звучащее название? Ведь в ней
ничего, что оправдывало бы опре-
деление «сатирическая комедия». Булавоч-
ные узоры социальной критики отпущены
с одиссеей великосветского вора, подано-
го к тому же в ореоле романтического ге-
роя, эдакого гусара-душки «смерть деви-
цам». Всерьез о характерах говорить не
приходится. Они не более разнообразны,
чем дипломатические смонки, в которые
эти характеры заатывают.

По-видимому, не от хорошей жизни Театр
имени Пушкина ставит произведения, лишь
формально относящиеся к нашим дням.
Ссылки на репертуарный голод уже нико-
го не могут убедить. Полноценные пьесы
пропадают мимо театра. Драматурги не
верят в него. И их можно понять. Если со-
временные спектакли, поставленные даже
главным режиссером И. Тумановым («Мед-
вежья шкура», «Трасса»), терпят полный

провал, — на что уж тут рассчитывать?!
Возникает заколдованный круг: театр ставит
плохие спектакли, потому что нет хоро-
ших пьес, а хороших пьес нет, потому
что театр ставит плохие спектакли. Поне-
воле приходится брыскать Патрицию.

В труппе — Б. Чирков, Ф. Ганевская,
О. Викланд, А. Шатов, в ней есть спо-
собная молодежь — Т. Зябцова, Н. Проко-
пович, Ю. Козловский. Когда с нею ра-
ботают талантливые режиссеры, театр
одерживает подлинные художественные
победы. Так было с «Теними» в постано-
вке покойного А. Дикого. Так было с
«Ивановым», поставленным М. Кнебель
и оказавшимся одним из лучших чеховских
спектаклей последних лет. И уж не по-
тому ли руководство театра с подзоритель-
ным упорством старается изгнать из репе-
туара «Иванова», что высокое мастерство
М. Кнебель неприятно оттеняет серость и
бескрылость других спектаклей.

О творческом тушке, в который зашел
театр, еще более полугода назад писались
в газете «Труд». Зияющая пустота зри-
тельного зала почти на всех спектаклях
лучше всяких слов говорит, что руково-
дство отмахнулось от критики.

«Человек, который хотел», — сказал о
себе, подводя итоги горестной, зря прожитой
жизни, чеховский Сорин.

Театр имени Пушкина тоже многого хо-
тел и немного свершил. Но у него все
жизнь впереди. Его коллектив хочет и мо-
жет работать. Ему нужен опытный, умный
капитан, свежие режиссерские силы, при-
ципиальный репертуар. Он должен гово-
рить по большому счету. О самом главном.
А не вести трехминутную болтовню, после
которой театру остается пожелать: «Спи
спокойно, Патриция!».

А наша знакомая, молодого члена местко-
ма? Теперь, когда ей предлагают билеты,
она уверенно отвечает:

— Нет, вы мне не давайте одну «па-
грузку». Вы мне дайте на «Жизель» с Ула-
новой, на «Иркутскую историю» и «Золо-
того теленка». Вот так!

А. ДЯКОНОВ,
Л. НОВОГРУДСКИЙ.